

ПЕРЕЖИТОЕ

Очерк написан писателем Львом Разгоном на материале, почерпнутом за 17 лет пребывания в сталинских тюрьмах и лагерях. Эпизод, о котором идет речь, типичен для своего времени. В подлинность первых выборов в Верховный Совет, проводившихся в декабре 1937 года по новой, так называемой «сталинской конституции», поверили многие, начиная от простого шофера-избирателя и кончая замечательной трагической актрисой Александринского театра Е. П. Корчагиной-Александровской, избранной в то время депутатом Верховного Совета. Фарс этих выборов очень скоро увидели все, в том числе и избиратель, и избранный... Заступить за осужденного по «политической» статье для людей тех лет — почти подвиг. Немногие шли на это. Но все-таки даже тогда человеческое пробивалось через коросту страха. Каждый такой поступок достоин быть хранимым в нашей памяти.

собеседников был Павел. Его не тянуло к своим товарищам-шоферам с их разговорами о водке и бабах. У Павла в Ленинграде осталась жена, по которой он тосковал, осталось двое маленьких детей, писать он не любил — жаловался на заскорузлые руки — и, бывало, я писал письма под его диктовку. Письма эти нравились и ему, и его жене, которая как раз писать любила. Подробности ленинградской жизни, о которых она писала открыто, ибо эти письма приходили на адрес одного вольняшки с базы (где стояла автомашина, на которой ездил Павел), были обстоятельны и интересны не только Павлу, но и мне. Однажды я ему задал вопрос, который в лагере не принято задавать: — Павел! А за что тебе сунули пятак? — За дело сунули. Не то, что тебе. В конце тридцать седьмого, перед самыми выборами. В

И я мгновенно вспомнил столовую квартиры Демьяна Бедного и деревенскую старуху, которую я великодушно угощал чужим коньяком. И план у меня возник мгновенно: — Паша! Эта старуха тебе поможет. Ее зовут Екатерина Павловна, и она очень хороший человек. Пусть твоя жена пойдет в Александринский театр, узнает домашний адрес Корчагиной-Александровской, пойдет к ней домой и расскажет твою историю и про то, как ей без тебя с двумя ребятами... ТАК НАЧАЛАСЬ эта нетеатральная история, этот необыкновенный спектакль с участием одной лишь актрисы. Но какой! Письма жене Павла от его имени писал я, они были очень подробными, почти режиссерскими, разработками — в них намечались мизансцены. Жена Павла отвечала не менее подробно. В первом же письме она написала, как узнала адрес Екатерины Павловны, пришла к ней, рассказала про

да в правительство лезть, да если его не освободите, то не надо мне никакого депутатского мандата, все равно помру, совесть не даст жить, и многое такое сказала... А там очень хорошо ее выслушали, водой отпавляли, сказали, что из уважения к ней освободят они Павла, и вернется он домой к своей семье, и нужно только время, чтобы все это оформить. Павел находился в состоянии эйфории, ни о чем больше не мог думать и говорить, да и я был почти в такой же радостной лихорадке. И вот Павел приехал с базы, совершенно подавленный, не переодеваясь пришел в зону, разыскал меня и протянул очередное письмо от жены. Жена была в отчаянии. Все рухнуло. — Корчагина-Александровская сама телеграммой вызвала ее к себе и почти плача рассказала:

— Пригласили меня, а там сидит прокурор, и на столе пять толстых папок и на каждой написано: «Совершенно секретно» и фамилия вашего мужа. И объясняют мне, что он против меня в пивной говорил пустяки и не тронули бы его за это, а осудили его потому, что он — шпион. Не то английский, не то японский, и лежат тут вот эти толстые дела, в которых все его преступления записаны. А раз шпион — тут я, голубушка, ничего не могу сделать, заплакала я от жалости к тебе да бедным детям, как же он, твой урод, не только Родину, семью свою не пожалел!

Дала Екатерина Павловна денег, опять да посоветовала написать мужу: пусть во всем покается, попросит у Советской власти прощения за свое окаянство, они все же добрые — эти люди, к каким она ходила, может, пожалеют глупого, пожалеют неповинных детей его... Ах, пацаны! Как же они разыграли такую великую актрису, как они обвели вокруг пальца депутата Верховного Совета СССР! Но нет, спектакль не кончился. — Паша! Поскольку тебя судил суд, у тебя на руках должно быть обвинительное заключение и приговор суда. Ты, идиот, их не скуррил? — Да что ты! У меня они.

— Ну приноси. Сейчас будем снова писать. В сочиненном мною письме Паши к жене ей советовалось пойти к Екатерине Павловне, объяснить ей, что ее нагло обманули, что все эти толстые папки с фамилией мужа — бутафория, часто применяемая на следствии. И еще, что дело о шпионаже рассматривается не городским судом, а Военной коллегией, и что Пашу судили именно за его неосторожные слова, что и подтверждают прилагаемые документы: обвинительное заключение и приговор. Письмо было отослано, и мы нетерпеливо ждали ответа. Он пришел необыкновенно быстро. Шоферская жена со свойственной ей словоохотливостью описала, как позвонила она Екатерине Павловне, пришла к ней и, ничего не говоря, протянула ей письмо мужа и присланные документы. Екатерина Павловна внимательно прочитала, «аж темная лицом стала, посуровела страшно и приказала звонить ей каждый день».

Ах, не увидел я и уже никогда не узнаю, как проходил следующий акт этого спектакля! Могу только предположить, как она разговаривала с этими «добрыми людьми», ее слова, ее тон, ее лицо... И ответа от жены Паша не получил. Через три недели вызвали его на освобождение, и из пересылки получил я от него записку, что «освобожден вчистую» и едет в Ленинград.

И больше ничего я не узнал о ленинградском шофере Павле. И не увидел больше Корчагину-Александровскую и не узнал от нее про тот спектакль, который ей пришлось разыграть не на сцене, а в жизни. Спектакль был драмой. Но со счастливым концом!

СПЕКТАКЛЬ СО СЧАСТЛИВЫМ КОНЦОМ

Екатерина Корчагина-Александровская.

Я никогда не видел на сцене великую актрису Екатерину Павловну Корчагину-Александровскую. Мне, москвичу, приехавшему на несколько дней в Ленинград, нелегко было достать билет на спектакль с ее участием. Но я прочел о ней много воспоминаний, читал о потрясении, которое она вызывала своей игрой; об импровизированных спектаклях, которые она любила устраивать не на подмостках прославленного театра, а в обыденной жизни.

В двух таких спектаклях и мне пришлось участвовать: в одном — пустяковом и смешном — в качестве одного из действующих лиц; в другом — драматичном и серьезном — как бы постановщиком...

БЫЛО ЭТО в очень давнее время. Я был молод, пребывал в студентах. По одному из молодого-удачливых поводов возникло у меня, столь сейчас одиозное, стремление выпить рюмку чего-нибудь горячительного... Проще всего забежать в знакомый хлебосольный дом и там осуществить слегка порочное, но немудреное предприятие.

Дом этот был квартирой Демьяна Бедного — известного поэта, автора многих басен. К хозяину я бы никогда не попробовал сунуться с таким пустяковым делом, но этим огромным домом управляла «Демьяниха» — жена Демьяна — Вера Руфовна, женщина поразительной энергии и доброты.

...Значит, я забежал в эту квартиру. В огромной столовой возле мостодонтовского буфета копошилась одна из многочисленных старушек, которых в большом количестве привечала у себя хозяйка. Старушка вытирала посуду и, очевидно, состояла в разряде служащих.

— Бабушка! А Вера Руфовна дома? — Уехала, голубчик. К вечеру, чай, вернется...

— Бабушка! Вот в правой стороне этого шкафа стоит недопитая бутылка коньяка. (Понятно, что я хорошо разобрался в географии буфета: недопил эту бутылку я), пожалуйста, достаньте ее и рюмочку какую-нибудь.

Старушка открыла буфет, достала бутылку, постелила на край огромного стола салфетку, поставила бутылку, рюмку, нарезала на блюде сыра и отошла в сторону, наблюдая за мной с удивлением и радостью перед наглостью молодости. Она мне была невероятно симпатична!

— Бабушка! Может быть, выпьете рюмочку со мной?

— И то, внучек! Может, и выпью за такую компанию...

Она достала еще одну рюмку, села около меня. Коньяк она пила маленькими глотками, жмурясь от непривычного налитка. И, сделав глоток, аккуратно вытирала рот уголком головного платочка. Бабушка была явно деревенская, сидела она по-деревенски, и у меня была возможность пообщаться с представительницей неизвестной мне деревенской жизни.

Но из этого благородного замысла ничего не вышло. В столовую неожиданно вошла хозяйка. Мне было очень неудобно, что она застала свою старушку распивающей хозяйский коньяк с молодым человеком. Но вместо негодования или возмущения Вера Руфовна почтительно обратилась к моей собеседнице: — Я вижу, Екатерина Павловна, что вы уже познакомились с Левоу. Он... — и тут она в лестных выражениях представила ей меня. Я, конечно, вскочил со стула, разом поняв, что старушка учинила со мной спектакль, в котором я был не только статистом, но и порядочным дурнем...

Корчагина-Александровская уезжала вечером, она со мной была любезна и весела, делала вид, что не замечает моего смущения, дала свой ленинградский телефон и пригласила на любой спектакль в Александринке. Но в Александринке мне так и не пришлось побывать. Я катастрофически быстро вырос, обзавелся семьей, писал, редактировал. Екатерина Павловна осталась лишь в юношеских воспоминаниях, и вспомнил я ее в обстоятельствах очень далеких от смешного знакомства со знаменитой артисткой.

1-Й ЛАГЕРНЫЙ пункт Устьвымлага. Весна 1939 года. Уже прошла первая и самая страшная зима для заключенных, уже поутирало большинство из нашего этапа (тех, с кем я сюда прибыл), уже побыл я два месяца на полуштрафной командировке (куда посылают за провинности), чуть не умер от цинги, отлежался в стационаре, начал получать письма и сам стал писать на волю. И даже не всегда пользовался для переписки лагерной почтой с ее цензурой.

Я был на сравнительно легкой работе — заготовке веточного корма. В зону приходил незамученный, наступили уже белые ночи, и несколько часов перед отбоем можно было проводить в неторопливых беседах. Одним из моих

нашем районе выбиралась в Верховный Совет одна старушка актриса. Я против нее ничего не имел, может, действительно хорошо играла. Но ведь впервые в Верховный Совет выберем, чего нам выбирать актрисульку, да еще такую, что еле душа в теле... Вот мы однажды в пивной сидели в хорошей компании, и я так и сказал: неужто трудно найти посерьезней да поздоровей. Тут наш один, видно, не поленился... Через три дня взяли. Ну что мне отпираться, когда все слышали — агитировал супротив кандидата блока коммунистов и беспартийных. — А как была фамилия актрисы? Помнишь? — Ну, еще бы, как забыть. До конца жизни помню буду. Двойная у нее фамилия — Корчагина-Александровская.

свою беду и про то, что муж у нее тихий, безответный, всегда на все согласный и против власти ни-ни, а если и сболтнул что, так по глупости, да еще выпил чуток. А Екатерина Павловна слушала, всплескивала руками, плакала вместе с ней, сказала, что жива не будет, а освободит Павла, и денег дала, чтобы ребят угостить, и наказала прийти к ней через несколько дней.

В следующем письме жена Павла подробно передавала рассказ Екатерины Павловны. Явилась в ленинградский Большой дом (так называли обком партии), протянула депутатский мандат и сказала: бог с ним, с этим мандатом, да я уже не сплю сколько ночей, да чтобы из-за меня человек пропадал, да не один, а семей, да и прав был, наверное, голубчик — ну, куда мне, старухе,